

Вячеслав Денисов

ЛУНА В ЗНАКЕ СКОРПИОНА

криминальный детектив и мелодрамы
Кольского полуострова

Вячеслав Денисов

**Луна в знаке Скорпиона.
Криминальный
детектив и мелодрамы
Кольского полуострова**

«Издательские решения»

Денисов В.

Луна в знаке Скорпиона. Криминальный детектив и мелодрамы
Кольского полуострова / В. Денисов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749262-5

Помимо того, что женщины Заполярья, независимо от возраста, выглядят привлекательными и загадочными, в них есть что-то особенное: необъяснимое и оригинальное, неошутимое и привораживающее. В суровом климате, где лето прохладное, а зима долгая, иногда кажущаяся бесконечной, они становятся какими-то морозостойкими: сильными и выносливыми, привычными к любым невздам. Даже когда они чем-то взволнованы, то их глаза, уставшие и печальные, все равно смотрят добрым и нежным взглядом.

ISBN 978-5-44-749262-5

© Денисов В.
© Издательские решения

Содержание

Мэнская кошечка	6
Роковая ошибка	12
Коварный визит	21
Обратный отсчёт	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Луна в знаке Скорпиона
Криминальный детектив
и мелодрамы Кольского полуострова**

Вячеслав Денисов

© Вячеслав Денисов, 2018

ISBN 978-5-4474-9262-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мэнская кошечка

В эту минуту Ирина мало напоминала слабую беззащитную женщину. Её озлобленный взгляд сверкал ненавистью и обдавал Илью Альбертовича Говорова холодным презрением.

– Так продолжаться не может! – раздражённо выкрикнула она. – Ты постоянно обманываешь меня!

Плавнo переступая босыми стройными ногами, Ирина бесшумно прошла по ковру. На фоне тёмной мебели, утопая в тусклом свете торшера, она была олицетворением чего-то таинственного и божественного. Поначалу Говоров безмолвно смотрел на неё, словно зачарованный, но, заметив, что она медленно приближается, машинально перевёл взгляд на её ноги, длинные и острые, покрытые перламутровым лаком.

– Иринушка, – насторожённо проговорил он. – Ты должна понять...

– Я никому ничего не должна! – вспыхнула она непривычно мерзким голосом. – Я так больше не могу! Сколько можно надо мной измываться?

– Да никто над тобой не измывается.

– Я безумно люблю тебя! Люблю страстно и нежно! Люблю каждой клеточкой своего тела.

– Я тоже тебя люблю!

– Было время, когда я пыталась забыть тебя, но у меня не хватило на это сил. Ты не представляешь, какое мучение ждать тебя целыми днями, а когда ты приходишь, то ещё тягостнее видеть, как ты постоянно смотришь на часы.

– Но, Иришка, ведь у меня семья, – тщетно пытался оправдаться Илья Альбертович. – Попробуй войти в моё положение.

– Надоело! – вновь выкрикнула она, окинув его негодующим взглядом. – Почему я всегда должна уступать?

– Иногда этого требуют жизненные обстоятельства.

– Под кого-то подстраиваться и думать о том, чтобы не сделать кому-либо больно, тоже требуют жизненные обстоятельства?

– В некотором роде... – уклончиво ответил он.

– Почему я не могу быть счастливой? Почему твоя супруга, эта бесформенная толстая фурия имеет право на полноценную жизнь, а я не имею?

– Тамара – твоя лучшая подруга, – лаконично подметил Говоров.

– Мне надоело быть её подругой! Я её ненавижу...

Прошелестев шёлковым халатом, Ирина вскинула голову и, встряхнув пышными волосами, пристально посмотрела на Илью Альбертовича. В её глазах вместе с горящей злостью вспыхнули искры невыносимой печали.

– Ещё в детдоме ей принадлежали самые красивые куклы... – продолжила она.

При каждом глубоком вздохе её упругая грудь выступала из-под выреза и невольно приковывала к себе пристальный взгляд Ильи Альбертовича. Ему не терпелось обнять эту маленькую хрупкую женщину. Хотелось в её ласках забыть о повседневных заботах и приобрести душевный покой, который он всегда получал в этой однокомнатной квартире, чьи окна выходили на центральную площадь города.

– Даже в школьные годы, – размазывая по щекам слёзы, – проговорила Ирина, – твоя Томка была впереди меня. Она всегда и во всём лидировала. А с тобой?

Ирина зашмыгала курносым носиком и, тяжело всхлипнув, замолчала.

– Что со мной? – не понял Говоров.

– Разве не я познакомила тебя с ней? – поникшим голосом произнесла она.

– Но ведь тогда между нами ничего не было, – вновь возразил Илья Альбертович.

– Это ровным счётом ничего не значит! – вспыхнула Ирина. – Я уже тогда любила тебя. Считала своим кавалером. Эта сучка...

Говоров молчал. В его памяти промелькнули те далёкие годы, которые уже ушли в безвозвратное прошлое и от которых остались лишь смутные воспоминания.

«Странная штука – жизнь, – машинально подумал он. – Вроде совсем недавно Ирина была наивной чудаковатой пигалицей. Не обременённая домашним хозяйством, она расцвела словно поздний цветок. Её стройное соблазнительное тело отливало бронзовым загаром...»

– Ты меня не слушаешь? – спросила Ирина, перебив мысли Ильи Альбертовича.

– Нет, что ты, дорогая, я внимательно слушаю тебя, – смутившись, ответил Говоров. – Я полностью с тобой согласен. Мне нечего сказать в своё оправдание. Я даже не могу тебе возразить.

– Конечно, у тебя нет оправданий. Ведь ты столько раз клялся, что подашь на развод. Или я не права?

– Права, Иринушка! Ты всегда права. Я тоже безумно люблю тебя, но всё не так просто, как может показаться на первый взгляд. Остались у меня какие-нибудь чувства к жене или нет, это не самое главное.

– А что же, по-твоему, главное? – процедила Ирина сквозь зубы.

Она отошла в сторону, достала из пачки сигарету и, постукивая по ней ноготком, закурила.

– Рано или поздно, но к жене начинаешь привыкать, как к старым домашним тапочкам, – невнятно пробормотал Илья Альбертович.

– Что ты хочешь этим сказать? – насторожённо спросила она, присев на край мягкого кресла.

– Носить нельзя и выбросить жаль, – пояснил Говоров.

– Значит, если бы ты женился на мне, то я бы тебе уже надоела?

– Не нужно ловить меня на слове, – нахмурившись, ответил Илья Альбертович. – Я не имел в виду тебя.

– Но ведь ты сам только что сказал, что привыкаешь к жене как к старым тапочкам... – впившись в него надменным взглядом, возразила Ирина.

– Это относится только к Тамаре.

– Ну, так уйди от неё.

– Ты забываешь, что у нас с Томой есть две дочери! – раздражённо отпарировал он. – Я люблю их! Это мои девочки. Им будет плохо без меня. Я даже не допускаю мысли, что они останутся без отца.

– Они вырастут и выйдут замуж. Ты им будешь не нужен, – холодно ответила Ирина, затянувшись сигаретой. – Лучше признайся, что это не им, а тебе будет без них плохо.

– Нельзя построить счастье на чужом горе! Они мои родные дети.

– А мой малыш тебя не интересует? – вкрадчиво спросила Ирина.

– Какой малыш? – недоумённо переспросил Илья Альбертович.

– Ты прикидываешься или на самом деле ничего не замечаешь?

Она старалась придать своему голосу равнодушный тон.

– А что я должен замечать? – встревоженно поинтересовался Говоров.

Его лоб покрылся испариной, а на кончике носа выступили капельки пота.

– Я уже четвёртый месяц в положении, – произнесла Ирина с особым ударением.

Она распахнула халат и демонстративно погладила рукой по выпуклому животу. Илья Альбертович опустил перед ней на колени, обнял за талию и тихим голосом прошептал:

– Прости меня. Прости, если сможешь. Я не знал...

– У нас будет мальчик, – примирительно сказала Ирина. – Ты всегда мечтал о наследнике.

– Конечно, – глубоко вздохнув, пробормотал Илья Альбертович.

- Я сделаю тебя счастливым отцом.
- Да-да... Разумеется.
- Он будет такой же мужественный, как ты.
- И с такой же залысиной.
- Мне нравится пушок на твоей голове, но наш сын будет носить такие же густые волосы, как у меня.
- Да, конечно, дорогая, – задумчиво произнёс Илья Альбертович. – Но, может... Пока не поздно... Ты сумеешь от него избавиться?
- Поздно! – сверкнув презрительным взглядом, вспыхнула Ирина.
- Её лицо передёрнулось. Она оттолкнула от себя Говорова и твёрдо заявила:
- У меня будет сын!
- Я ведь не против, – ответил Илья Альбертович. – Я обязательно стану тебе помогать.
- Мне не нужна твоя помощь! Подавись своими подачками!
- Ира!
- Я тебе не уличная девка, от которой можно и откупиться!
- Иринушка...
- Будь ты проклят!
- Я же люблю тебя...
- Как у тебя язык повернулся сказать мне такое?
- Прости! Слышишь, прости!
- Ничего мне от тебя не нужно! Я сама воспитаю нашего сынишку.
- Для меня такая неожиданность всё, что ты сказала... Я ещё не осознал... Я не хотел тебя обидеть, – запинаясь, стал оправдываться Говоров.
- Ты подлец! Я ведь поверила, что нужна тебе. Ты попользовался мной и в кусты... Негодяй! Я тебя ненавижу!
- Ирина произнесла это с таким видом, будто отчитывала провинившегося мальчишку.
- Иринушка, всё будет хорошо. Скажи, что я должен сделать, и я обязательно сделаю. Ради нашей любви я на всё готов!
- Лицо Ирины мгновенно прояснилось.
- Мне нужно, чтобы ты забрал свои вещи и жил со мной! – твёрдо заявила она. – Завтра же утром, ты скажешь Томке всю правду.
- Она докурила сигарету, потом поднялась с кресла и вновь заходила по комнате.
- Но, Иринушка... Завтра я вернусь домой только к вечеру. Мне очень нужно выехать в область.
- Куда-то за пределы Мурманска?
- У меня в Оленегорске важная встреча с нужными людьми.
- Томка знает?
- Она думает, что я уже там.
- Неужели Тамара поверила, что ты, на ночь глядя отправился по делам своей фирмы? – вкрадчиво спросила Ирина.
- Моя жена мне доверяет.
- Какая же она наивная и глупая. Я всегда буду держать тебя под неусыпным контролем! Я стану следить за каждым твоим шагом. Ты никогда не сможешь меня одурачить.
- Да, да... Конечно, – промямлил Илья Альбертович.
- Так ты точно всё расскажешь жене?
- Как только вернусь домой, так сразу с ней поговорю.
- Ты опять хитришь, – возразила Ирина. – Я не верю ни одному твоему слову. Лучше сама встречусь с ней.
- Когда?

– Завтра днём.

Ирина подошла к нему на цыпочках и, крепко обхватив за шею, сказала:

– Я выложу ей всё начистоту. Ведь мы с ней подруги.

– Это убьёт её. У Тамары повышенное давление.

– Зачем тебе больная жена? Ты посмотри на меня...

Она скинула на ковёр халат и, прижавшись нагим телом к Илье Альбертовичу, стала целовать мочку его уха.

– Скажи, ведь я такая же грациозная, как та мэнская кошечка, которую мы видели у твоего друга моряка? – спросила она вкрадчиво.

– Ты, наверное, не знаешь, дорогая, – поникшим голосом произнёс Говоров, – когда это причудливое бесхвостое животное цапнуло своего хозяина, то он, не задумываясь, вышвырнул её в окно.

– Бедняжка! Она, наверное, здорово ушиблась?

– Дело в том, что мой друг живёт на девятом этаже, – сказал Илья Альбертович, как-то странно посмотрев на Ирину.

– Фу... Какие вы мужчины пакостники, – проговорила она, снимая с Ильи Альбертовича пиджак и галстук.

– Пообещай мне, что завтра ты никуда не пойдёшь, – настойчиво потребовал он, осторожно обнимая её за талию. – Я вернусь и, при первом удобном случае, сам поговорю с Тамарой.

– Нет! – твёрдо заявила Ирина. – Ты плохо меня знаешь. Ради своего будущего я пойду на всё. Завтра, не позднее обеда, я уже встречу с твоей женой.

– Может, ты всё-таки дашь мне возможность самому решить мои семейные проблемы?

– Нет! У тебя была такая возможность, но ты её упустил. Я тебе больше не верю.

Говоров машинально взглянул в окно, сквозь неплотно задернутые шторы. Стояла звёздная ночь. Яркие фонари освещали площадь с причудливым названием «Пять углов», по которой изредка мчались легковые автомобили.

– Я не хочу, чтобы ты волновалась, – тяжело дыша, сказал он, с нежностью поглаживая её за гибкую поясницу и покрывая лицо страстными поцелуями.

– Ты пробудешь у меня до утра? – спросила она, улыбувшись, явно желая сменить тему разговора.

Ловким движением пальчиков Ирина стала расстёгивать пуговицы его рубашки.

– Нет! Я уйду часа в четыре. Иначе я не успею на важную встречу, – ответил Илья Альбертович.

– У нас с тобой осталось совсем мало времени, – огорчённо произнесла она.

На рассвете Говоров вошёл на кухню и чиркнул спичкой.

– Илюша, ты опять куришь? – полусонным голосом спросила Ирина. – Тебе же нельзя! Замучает одышка.

– Да нет, что ты... Я просто решил подогреть чайник, – ответил Илья Альбертович.

– Сделай себе бутерброд. Колбаса и масло в холодильнике. Я немного посплю...

– Конечно, дорогая. Я сам себе всё приготовлю.

– Будешь уходить, не забудь закрыть дверь. У тебя ведь есть ключ от моей квартиры?

– Он всегда при мне, дорогая.

– И учти, как только я встану, так сразу пойду к Тамаре. Представляю её перекошенную физиономию...

– Конечно, дорогая. Спи...

Заглянув в холодильник, Говоров достал пакет молока и выставил его на стол. Какое-то время он сидел в задумчивости, потом подошёл к Ирине и, убедившись, что она заснула, нежно поцеловал её в щёку.

Наглухо закрыв форточку, он вышел из квартиры и, поспешно опустившись на сиденье своего внедорожника, запустил двигатель. После того, как немного прогрел салон автомобиля, он ещё раз взглянул на Ириныны окна. Не увидев ничего кроме плотно задернутых штор, Говоров включил передачу и резко тронулся с места.

Лишь поздно вечером Илья Альбертович вернулся в Мурманск. Войдя в свой подъезд, он снял с брелка один ключ и бросил его в шахту лифта. В прихожей его встретила рыдающая Тамара.

– Что случилось? – насторожённо спросил Говоров.

– Ирина... – с трудом, сквозь слёзы, проговорила она.

– Что Ирина?

– Ты ещё не знаешь...

– Нет. Что случилось?

– Она погибла.

– Отравилась газом? – машинально спросил Илья Альбертович.

– Она ведь совсем мало пожила. Иришка моя ровесница...

– Я знаю, Томочка.

– Она была моей лучшей подругой.

– Мне её очень жаль, – с напускным состраданием, проговорил Илья Альбертович.

– Мы из одного детдома.

– Я знаю.

– Мы всегда с ней всем делились...

– Это верно...

На лице Говорова отразилась мимолётная ухмылка.

– Мы были, как две сестры.

– Конечно, милая.

– Я всегда ощущала свою вину перед ней. Ведь это я разлучила её с гобой.

– Ты говоришь глупости.

– Нет, Илья. Нет! Она любила тебя, и я знала об этом. Я встала на её пути.

– Мы с ней совершенно разные люди, – ответил Говоров. – Между нами могли быть только чисто дружеские отношения.

– Илюша, – Тамара тревожно вздохнула, – я никак не могу поверить, что её больше нет. Не могу понять, что произошло...

– Может, до полуночи смотрела телевизор? – отрешённо произнёс Илья Альбертович. – Потом решила вскипятить немного молока. Прилегла буквально на одну минутку и не заметила, как заснула...

Тамара с пристальной настороженностью посмотрела на мужа и внезапно спросила:

– Время позднее. Кто же успел рассказать тебе такие мельчайшие подробности?

Этим вопросом она непроизвольно ввергла его в состояние замешательства

– Ты на что намекаешь? – раздражённо огрызнулся Илья Альбертович. – Может, у тебя ещё хватит ума, обвинить меня в её смерти...

– Я сказала тебе, что Ирина погибла, но не говорила как именно. А ведь за то время, пока ты отсутствовал в городе, её мог сбить автомобиль. Тем более что у неё была отвратительная привычка переходить проезжую часть дороги в неполюженном месте.

Говоров с растущим замешательством смотрел на жену, тщетно стараясь сохранять невозмутимый вид.

– Как ты узнал, что она отравилась газом и откуда тебе известно про молоко? – сдавленно поинтересовалась Тамара. – Ты сначала направился к ней, а потом выехал в Оленегорск? Ты был у Ирины накануне её гибели...

– Сказал первое, что взбрело мне на ум. Я только что вернулся из командировки. Никуда не заезжал... – отрешённо отпарировал Илья Альбертович.

– В том-то и дело, что никуда не заезжал... – задумчиво подметила она.

Тамара поджала губы, её тревожные карие глаза вновь наполнились слезами. Она прижала руки к сердцу, которое не только колотилось как бешеное, но и готово было выскочить из груди.

– Ты откуда взяла, что её вообще кто-то мог убить? Что за глупость? Произошёл обыкновенный несчастный случай... – попытался оправдаться Говоров.

– Ты, конечно, не знаешь, – с трудом выговорила Тамара, – но единственный запах, который Иришка не могла терпеть с детства, это запах кипячёного молока...

Роковая ошибка

Я никогда не считал других людей глупее себя, но сейчас у меня явно есть шансы выпутаться из этой гнусной истории.

Тамара Гроздева, белокурая, крепко сбитая девушка, пожалуй, самая обаятельная ученица одиннадцатого «А» класса, неожиданно для всех, покончила жизнь самоубийством в одном из подвалов нашего города. Это на три квартала дальше от моего дома. Следовательно, меня не в чем заподозрить. Впрочем, необходимо сосредоточиться и в считанные минуты окунуть беглыми воспоминаниями наши встречи и отношения. Нужно быть полностью уверенным, что я нигде не наследил.

Мне тридцать шесть лет, возраст, в котором мужчина уже что-то смыслит в жизни и даже имеет кое-какие успехи в трудовой деятельности. К сожалению, я не попал на кафедру института и не стал директором школы, но я не в отчаянии. Быть преподавателем физики в старших классах, пожалуй, не хуже чем быть ведущим инженером на «Тридцать пятом» заводе. Во всяком случае, имею заработок не ниже докера Тралового флота и при этом не поднимаю ничего, кроме авторучки.

В тот день, когда мы с Томкой стали более близкими друг для друга, я преподавал броуновское движение молекулярных частиц, объясняя его на основе молекулярно-кинетической теории. Она смотрела на меня замороженным взглядом, но было ясно, что совершенно не слышит.

Я уже давно обратил внимание на её особый интерес к моей персоне.

Она была своенравной ученицей. Её не интересовали мальчики-подростки. Ей было мало той дружбы, которую они могли ей предложить. Её розовые пухленькие губки и вздымающаяся упругая грудь говорили о том, что она жаждала настоящей любви. Её, вполне сформировавшееся тело, требовало эротических ласк. Ей нужен был мужчина – сильный и агрессивный, способный властвовать над ней физически и духовно.

Но, несмотря на то, что этим мужчиной она выбрала меня, я всё же понимал, что соблазнить и завоевать это милое создание не так-то просто. В тот день она сама сделала шаг к нашему сближению. Я задал ей несколько вопросов по теме урока, но ни на один не получил хотя бы мало-мальски вразумительного ответа. Тогда, я велел ей задержаться после уроков и продолжить занятие. Томка построила обиженное личико, но я чувствовал, как она затрепетала от радости, словно только и ждала, как бы остаться со мной наедине.

– Вот что, Гроздева, – предварительно заперев лаборантскую комнату на ключ, сказал я голосом строгого учителя, – если ты с начала учебного года не поймёшь материал, то дальше тебе будет намного сложнее разбираться в теме. Ты, надеюсь, уяснила, почему тепловые явления изучаются в молекулярной физике?

Она лишь пожала плечиками и не проронила ни слова.

– Ну, хорошо, – продолжил я, – ты хоть знаешь, что такое тепловые явления?

– Которые связаны с нагреванием или охлаждением тел с изменением их температуры, – невнятно пробормотала она, потупив зелёные глазки.

– Правильно, Гроздева! – похвалил я, поймав себя на том, что устремил пронизательный взгляд на шёлковые плавочки, виднеющиеся из-под её коротенькой юбки.

Она коснулась ладонью моей руки и тихо спросила:

– Это, Арий Альбертович, почти то же самое, как я чувствую тепло вашего тела?

Я не нашёлся, что ответить и лишь сбивчиво проговорил:

– Все тела состоят из атомов и молекул...

Она широко расставила стройные ножки и, придвинувшись ко мне вплотную, зажала ими мои колени. Я непроизвольно почувствовал, как по её телу прошла дрожь. Я больше не мог

вынести эту пытку. Низменные желания победили здравый рассудок. Я обнял её и впился губами в её пухленькие губки, а мои пальцы самопроизвольно побежали по мелким пуговкам её блузки...

Я никогда не давал повода, чтобы кто-то из посторонних смог нас разоблачить. Я не выделял Тамару из других учениц и ко всем относился одинаково. Должен признать, что и она была примерной любовницей, и ни у кого из её одноклассников не возникло и мысли о том, что после школьных занятий её белоснежные зубки впиваются в моё плечо, а покрытые перламутровым лаком ногти скользят по моей оголённой спине. Она была сущим дьяволёнком. Иногда её сексуальные домогательства даже раздражали. Как бы запретный плод не был сладок, но и он порядком надоедает, если слишком часто надкусывать. Впрочем, я буду далёк от истины, если скажу, что мне это не нравилось. Да, она иногда действительно меня раздражала, но очень скоро я вновь скучал по её сумасшедшим ласкам. Рядом с ней я и сам был намного моложе. Если моя жена иногда подшучивала над моей начинающейся импотенцией, то уж сам-то я, слишком хорошо знал, на что могу быть способен в жарких объятиях юной оболстительницы.

– Арик! – звала она любовно. – Я хочу чего-то нового, экстравагантного, необычного...

Что мы с ней только не вытворяли! Мне казалось, что все учения Древней Индии и Древнего Китая в виде Камасутры и прочей подобной дряни, были никчёмны перед её изобретательностью. Я приходил домой, как выжатый лимон. Я уже ни о чём не думал и ничего не хотел. Единственное, о чём я мечтал – добраться до постели и заснуть мертвецким сном. От усталости я даже не каждый вечер мог принять холодный душ. Нередко я засыпал прямо в кресле перед телевизором или за кухонным столом с вилкой в руке.

– Ты слишком много времени уделяешь работе, – упрекала меня жена. – Даже странно, что трудишься с таким усердием, а не имеешь достойного продвижения по служебной лестнице. Уверена, ни один педагог так не ищет...

Она и не представляла, как близка была от истины. Конечно, никто из моих коллег не мог соперничать со мной в этом вопросе. Я действительно так добросовестно вкалывал, что результаты моего труда не заставили долго ждать. Нет, это не были глубокие познания моей ученицы в области физики, но зато мы оба очень скоро соприкоснулись с анатомией. Эта глупышка ещё ничего не подозревала, а я, как опытный мужчина, сразу заметил изменения не только в её характере, но и во внешности. Помимо её внезапной истерии, она стала пухнуть как дрожжевое тесто. В подтверждение собственной догадки, я однажды принёс солёные огурцы. Когда мы, в очередной раз закрылись в лаборантской, я с напускным безразличием открыл банку. У меня больше не возникло никаких сомнений. К сожалению, мои подозрения оправдались. Она съела все огурцы и даже не оставила ни кусочка, чтобы я мог хотя бы попробовать.

«Это финиш!» – мелькнуло у меня в голове.

Но отступать было уже поздно. Ещё месяц, от силы два, и всё скрытое станет явным. Я знал, что у неё состоятельные родители, которые постоянно общаются с влиятельными людьми общества. Они найдут способ; как расправиться со мной!

Я не только не смогу мечтать о прекрасном будущем, но и настоящее покроется для меня вечным мраком. Если бы я не угодил за решётку, то с преподавательской деятельностью было бы покончено раз и навсегда. К тому же, я бы наверняка лишился семьи, что никоим образом не входило в мои планы. Я должен был, во что бы то ни стало, избавиться от неё. У меня возникла превосходная идея! Групповое изнасилование! Это ли не лучший вариант? Я стал бродить по улицам и приглядываться к празднично шатающейся молодёжи. Я уже мысленно представил, как Томкины родители в спешном порядке вывезут её из города, чтобы уберечь от презрения и позора, но к счастью вовремя спохватился. Ведь если мой план пройдёт удачно, то любая судебно-медицинская экспертиза безошибочно установит точный срок её беременности. Вот тогда-то уж, несомненно, всплыло бы моё имя! У меня не было другого выхода, и я решил действовать хитростью.

Внезапный уход из жизни – это единственное, что заставило бы её замолчать! Но я никогда раньше не был преступником, и не имел ни малейшего понятия об элементарной криминалистике. Мне пришлось перечитать уйму всевозможной литературы. Разумеется, как опытный физик, я мог подстроить короткое замыкание или придумать что-либо более существенное, но тогда я бы мгновенно привлёк к себе внимание и, рано или поздно, но моё преступление было бы раскрыто. Впрочем, жизнь человека такая хлипкая штука, что отнять её намного проще, чем обеспечить себе железное алиби. Однако моё увлечение детективными романами пошло мне на пользу. Во всяком случае, я сделал вывод, что допустил ещё одну, немаловажную ошибку. Томка поклялась, что никому не рассказывала о наших интимных встречах, но ведь её чаще других видели в моём кабинете. Ни с кем из сверстников она не дружила, а это обстоятельство явно было не в мою пользу. Мне нужно было заставить её подружиться с каким-нибудь наивным простофилей.

– Лапочка моя... – стал говорить я вкрадчивым голосом. – Ты ведь не хочешь, чтобы наши отношения прервались?

– Конечно же, не хочу, – испуганно пролепетала она. – А в чём дело? У тебя появилась другая женщина?

В её голосе прозвучали откровенно ревнивые нотки.

– Мне кажется, что я не проживу и минуты, если мы с тобой расстанемся.

– Что происходит? Скажи мне правду! – потребовала Тамара.

Её глаза засверкали от гнева.

– Моя жизнь без тебя стала бы сплошным адом, – продолжил я. – Но обстоятельства складываются таким образом, что я вынужден просить тебя о помощи.

Томка ошеломлённо уставилась на меня, боясь поверить своим ушам.

– Да, моя девочка! Я взрослый, сильный мужчина, а вынужден просить тебя об этом. К своему стыду я должен признать, что без твоей поддержки у меня могут возникнуть крупные неприятности.

Мне самому показалось, что я начинаю переигрывать и явно злоупотребляю её терпением.

– Как только ты окончишь школу, мы сможем открыто заявить о наших чувствах, – сказал я, в заключение затянувшегося монолога. – Но сейчас мы вынуждены быть осторожными.

– Я никому ничего не говорила! – произнесла она дрожащим голосом.

Помнишь, как у Шекспира? Если бы никто не знал о тайных встречах Ромео и Джульетты, то их судьба не стала бы столь трагичной...

Томка смотрела на меня глазами полными испуга и, чем дольше я говорил, тем более растерянной она становилась.

– Что бы ни потребовал, я сделаю так, как ты скажешь, – прошептала эта наивная извращенка всё тем же дрожащим голосом, в котором прослушивались нотки её искреннего беспокойства. – Если потребуется, я пойду за тобой на край света...

– Что ты, лапочка моя, не нужно куда ходить, – успокаивающе сказал я. – Ты только подружись с каким-нибудь мальчиком и как можно чаще будь с ним на виду у своих одноклассников.

Пытаясь сдержать внезапно возникшую дрожь, которая охватила её, Тамара сжала губы и понимающе кивнула в знак своего согласия.

– Конечно, я надеюсь, что ты не позволишь ему ничего лишнего, иначе я умру от ревности. Моё сердце разорвётся от горя! – преднамеренно добавил я, пытаюсь отвлечь её от ненужных мыслей. – Поклянись, что ты не предашь нашу любовь!

– Клянусь! – не задумываясь и твёрдо, проговорила Томка.

Она обняла меня и одарила жгучим поцелуем.

– Я подумала, что хочешь меня бросить... – полушёпотом прошептала Тамара. – Никогда так больше не делай!

– Больше не буду, – согласился я.

– Ты заставил меня поволноваться. Теперь я чувствую себя такой сексуальной, что готова сделать с тобой что-нибудь невообразимое. Хочу разврата! Хочу заняться с тобой сексом...

– Мы никогда с тобой этим не занимались.

Она посмотрела на меня с нескрываемым изумлением.

– Мы не занимались сексом, в том смысле, что с самого начала у нас на первом плане стояла любовь! Шальная как буйный ветер, и в то же время нежная как распустившийся бутон чайной розы! Дикая, безрассудная и одновременно кроткая и застенчивая! – высокопарно произнёс я.

Наши губы соединились в страстном жгучем поцелуе.

– Я люблю тебя! – в изнеможении произнесла Тамара.

– Я тоже тебя люблю! – ответил я, искоса поглядывая на часы.

Чуть позже я сам продиктовал ей любовную записку и уже на следующий день, к моей неопишуемой радости, она пошла в кинотеатр с подставленным мною простофилей. Причём, они отправились туда на мои деньги, которые я щедро выделил Томке специально для этой цели, зная, что современные парни, даже лопухи, не слишком-то спешат раскошелиться, тем более, когда на один билет необходимо выложить не менее пятисот рублей.

При первой же нашей встрече, после этого случая, я незамедлительно похвалил её и даже долго восторгался тому, как она всё так ладно сумела устроить. Не прошло и пяти минут, а Томка уже не сомневалась в том, что дружба с одноклассником была именно её сногшибательной идеей.

Через несколько дней, когда их неоднократно видели вместе, я приступил к завершению своего коварного плана. Нет! Убийство чужими руками теперь было не в счёт. К тому времени я проштудировал столько необходимой литературы, что не мог позволить себе, хотя бы самую незначительную оплошность. Теперь я должен был поссорить Томку с этим тюфяком и сделать так, чтобы ей весь белый свет стал не мил, и она с лёгкостью могла бы наложить на себя руки. Разумеется, перед этим, Тамара должна была написать прощальное письмо и указать причину столь ужасного поступка. Все подозрения замкнулись бы на её лопухом ухажёре, а я остался бы в стороне и был абсолютно чист перед законом. Меня тревожило только то обстоятельство, что с каждым днём я терял драгоценное время. В конце концов, я не считал её родителей полными кретинами и отлично понимал, что в любой момент они могли понять причину её внезапной полноты. Мне в срочном порядке пришлось сменить тактику. Я заставил себя быть с Томкой более нежным. Неоднократно, во время уроков, говорил, что её дружба с хорошим мальчиком идёт им обоим только на пользу. Я ставил им завышенные оценки и при первом же удобном случае напоминал об их отношениях в кабинете директора или просто в учительской. Я добился того, что менее чем через пару недель, вся школа гудела о первой Томкиной любви. Правда учитывая, что первая любовь приходит и уходит, никто из моих коллег не воспринимал их отношения слишком серьёзно и, тем более, не осуждал мою возлюбленную за то, что она была рядом с неказистым, плюгавеньким сморчком.

В середине января, когда любое промедление с моей стороны, было для меня губительным, я решил действовать гораздо смелее.

– Так больше продолжаться не может, моя родная кровинушка! – обиженным тоном выговорил я. – Невольно начинаю подозревать, что ты изменяешь мне. Стоит подумать, что кто-то другой тебя обнимает, мне сразу становится не по себе. Наверное, если бы у меня начали расти рога, то я был бы очень красивым оленем...

Томка, смотрела на меня обиженными и беззащитными глазами. От отчаяния и обиды она с трудом сдерживала слёзы.

– Арик, но ведь ты сам хотел, чтобы я подружилась с этим парнем, – оправдываясь, произнесла Тамара. – Он мне ничуть не нравится.

– А я почему-то уверен, что ты в него влюбилась.

– Да он же слизняк! С ним не интересно...

– Не знаю, не знаю, – с нескрываемым цинизмом, сказал я. – В тихом омуте черти водятся.

– Он даже не пытался меня поцеловать. Я дружу с ним только ради того, чтобы ты на меня не сердилась, и у тебя не было из-за меня неприятностей. Когда мы рядом, я думаю только о тебе...

– А когда обжимаешься в подъезде, то тебе кажется, что это мои руки обхватывают твою талию? – с тонким расчётом съязвил я.

– Зачем ты так, Арик?! – откровенно обиделась Тамара. – Тебе стоит лишь сказать, и я немедленно с ним расстанусь...

– Я никогда не учил тебя быть жестокой.

– Если ты ревнуешь...

– Я люблю тебя!

– Я тоже безумно люблю тебя! Только тебя, Арик. Никто другой мне не нужен.

– Он молодой и энергичный, я в возрасте...

– Вечером скажу, чтобы он больше не приходил...

Я крепко обнял её, даже на мгновение показалось, что она растворялась, слившись со мной в единое целое.

– Ты пойми меня правильно, – вкрадчиво произнёс я. – Мне просто обидно. Не думал, что стану тебя ревновать к этому мальчишке.

Я на мгновение замолчал, нахмурил брови, будто сержусь, но затем продолжил:

– Ты теперь постоянно с ним. Я один...

– Арик, я его брошу...

– Но ведь так поступить с человеком, которому ты не безразлична, тоже нельзя, – назидательно подметил я.

– Мне всё равно.

– Ты ему очень нравишься.

– Это не моя проблема.

– У юноши, разочаровавшегося в первой любви, может возникнуть депрессия и нарушится психика, – с укором сказал я. – Ты ведь не хочешь, чтобы с юных лет он возненавидел девочек?

– Мне нет до него абсолютно никакого дела! – выпалила Томка.

Её голос прервался. Она начала потихоньку терять самообладание.

– Не будь с ним жестока. Я знаю, каково это – любить безумно, искренне и преданно, и при этом знать, что героиня твоего романа никогда не ответит тебе взаимностью.

– Ну, и что теперь делать?

– Необходимо проявить особую сдержанность и величайшее благородство, – рассудительно проговорил я, посмотрев на неё с такой страстью, о существовании которой даже и не подозревал.

– Ты его первая любовь... – с неестественной для меня пылкостью, продолжил я. – Сделай так? чтобы он был виновен в вашей ссоре, а не ты.

– Это, каким образом? – спросила Томка.

Прежде чем ответить, я окинул её оценивающим взглядом. Она была в белой кофточке, которая плотно облегла её упругую грудь. В этот момент я искренне сожалел лишь о том, что идеальная округлость этой груди дополнялась всё возрастающей округлостью её животика.

– Будь немного похитрее, – нравоучительно сказал я. – Хотя бы ради меня, ради нашей любви, ради нашего будущего...

– Я на всё согласна! – прошептала Тамара, изо всех сил стараясь выдержать ровный тон.
– Милая моя девочка! Я люблю тебя, когда ты добрая и отзывчивая. Мне будет неприятно, если ты хоть кому-то нанесёшь глубокую сердечную рану...

Мы разговаривали около часа. Её ласки, которые мне безумно нравились в начале нашего романа, теперь меня раздражали и были противны. Я целовал её глаза, щёки и маленький курносый носик, а в голове была одна мысль, как бы скорее избавиться от этой липучки.

При следующей нашей встрече она сообщила приятную новость. Они поссорились! Томка так ловко смогла подстроить, что её недоумок невольно выругался, костеря её грубыми словами, и теперь они даже не разговаривают между собой. Больше всего меня порадовал тот факт, что он вспылил в присутствии чуть ли не всех своих одноклассников. Я поблагодарил всех святых за то, что мой план не был сорван. Теперь я был более уверен в правильности моего коварного замысла. Мне осталось довести начатое мною дело до его финального конца. В этом у меня так же не возникло никаких проблем. Мой товарищ, с которым меня связывали долгие годы крепкой мужской дружбы, уехал в отпуск и оставил ключи, чтобы я присматривал за его квартирой. Я пригласил туда Тамару и провёл с ней незабываемый прощальный вечер. Я показал ей всё, на что только мог быть способен пылкий любовник. Это было впервые, когда не я, а она сказала: – Хватит!

В неудержимом порыве любовной страсти, я довёл её до такого состояния, что сам испугался, как бы она не свихнулась от избытка наслаждения. Чуть позже, медленно, но уверенно, я стал рассказывать о моей законной супруге. Я говорил, что она совершенно меня не понимает. При этом, я всячески оскорблял её, называя старой никчёмной вешалкой. Я жаловался на друзей и знакомых. Не забыл упомянуть, что и Томкины родственники не одобряют наши встречи и постараются помешать нашему счастью. Я плакал, положив голову на её колени. Я долго сетовал на судьбу и лишь, затем, начал осторожно вести разговор о системе мироздания. Я рассказывал о бескрайней вселенной и незаметно перевёл тему на неопознанные летающие тарелки. Зачем-то я даже приплёл пирамиды Хеопса и, наконец, стал убеждать её в бессмертии души.

– Тело человека, – как можно доходчивее, объяснял я, – почти то же самое, что и змеиная кожа. Всего лишь видимая оболочка нашей энергии, которую в любой момент можно сбросить. Как было бы прекрасно, – сказал я, вновь увлекая её в постель, – если бы мы. Вместе, покинули этот грешный, жестокий мир и, перевоплотившись в иные существа, смогли быть рядом и никогда не разлучались.

– Я боюсь умирать, – робко пролепетала Тамара.

Мне пришлось изобразить лучшую из своих улыбок – просительную и покровительственную одновременно.

– Смерти нет! Её не следует бояться, – настойчиво продолжал я. – Мы взяли бы с тобой за руки и понеслись по длинному узкому коридору, навстречу яркому свету, спокойствию и вечному блаженству.

– А наши тела... Что будет с ними? – поинтересовалась эта несовершеннолетняя блудница.

– Их понесут по улицам города. Вопреки всем законам, понесут на руках, чтобы люди узнали о нашей несчастной любви! Мы как два невидимых ангела будем смотреть на них с необъятной небесной выси...

Я резко поднялся и, укутавшись простынёй, достал из дипломата лист ученической тетради.

– Нет! Не имею права... Могу отвечать только за себя... – громко произнёс я, заметив, что Томка слушает меня очень внимательно. – Нас всё равно разлучат, я принесу себя в жертву... Ты ещё будешь счастлива и когда-нибудь забудешь обо мне. Я уже не смогу никого полюбить так сильно, как люблю тебя, мою родную и единственную...

Я подошёл к письменному столу и размашистым почерком написал короткое послание: «Прошу никого не винить в моей смерти. Я никогда не был так счастлив, как с моей любимой Томочкой. Я уйду из жизни добровольно и ни о чём не сожалею».

Она прочитала эти волнующие строки и, опустившись передо мной на колени, стала целовать мои ноги.

– Нет, милый! Я хочу быть рядом. Я тоже стану маленьким белым ангелом... – возбуждённо бормотала она.

– Тебе только семнадцать лет и ты лишь думаешь, что любишь меня, – уклончиво ответил я. – Ты не способна пожертвовать собой ради нашей любви. Ты ещё слишком мала, чтобы смогла совершить такой благородный поступок.

– Ради тебя я способна на многое! – возразила Тамара.

Она принесла острый нож и подставила его к сердцу.

– Я убью себя, чтобы ты не сомневался в моей верности! – почти выкрикнула Томка.

– Подожди, милая! – притворно проронив слезу, прошептал я. – Если ты и впрямь так же безумно любишь меня, то мы должны вместе уйти из жизни. Смерть от лезвия ножа – не слишком верная штука. Возможно, что кого-нибудь из нас, истекающего кровью, опытные хирурги смогут вернуть к жизни...

– И тогда наши истерзанные души, в бескрайности потустороннего мира, не смогут соединиться? – перебив меня, спросила Тамара.

– Моя милая девочка! Если ты не смеёшься надо мной, то сначала напиши прощальную записку, – подсказал я. – Иначе, люди могут подумать, что тебя вынудили пойти на столь благородный и отчаянный поступок.

– Какие люди?

Она неуверенно улыбнулась, тщетно стараясь побороть волнение.

– Да уже не важно, – отмахнулся я.

Эти слова мне показались невероятно циничными. Я тут же решил исправить положение.

– Впрочем, ты вправе сама распоряжаться своей судьбой! – Я посмотрел на неё нежным взглядом и гордо воскликнул: – Мне даже не верится, что совсем скоро моя душа освободится от мук, и я буду совершенно свободен!

– Я с тобой, Арик! – выронив из руки нож, сказала Тамара. – Ты только подскажи, что я должна написать...

– Не верю тебе, – отстранив её в сторону, сухо сказал я. – Ты обманываешь меня. Ты всё равно ничего не напишешь...

– Диктуй! – выкрикнула она, отняв у меня авторучку.

– Устала жить! – подсказал я.

Томка красивым аккуратным почерком вывела первые буквы.

– Меня никто не понимает, и никого не интересуют мои чувства...

Я поцеловал её оголённое плечо, а потом, слегка прикоснувшись к груди, тихо прошептал:

– Прошу никого не винить в моей смерти. Даже моего бывшего и единственного друга...

– Ещё напишу, что люблю тебя, – посмотрев в мои глаза, произнесла она.

– Не нужно, кисонька, – остановил я её. – У меня написано твоё имя. Не стоит повторяться...

Я поспешно забрал листок и вместе со своим прощальным письмом аккуратно положил в дипломат.

– Одевайся! – повышенным тоном сказал я, но тут же остановил её. – Постой, лучше я сам одену тебя...

Я поспешно взял с кушетки её нижнее бельё.

– Если нас увидят рядом, то могут ненароком помешать, совершить нам отчаянный шаг в мир вечного блаженства, – предупредил я. – Ты пойдёшь чуть сзади, но только не слишком отставай...

Вскоре мы вышли на улицу и через несколько минут я свернул во двор моего лопухого и прыщавого соперника. Тамара, словно преданная собачонка, торопливо шла следом. Мурманск, как по заказу, был охвачен жуткой метелью. Уже в нескольких шагах почти ничего не было видно. Я мог не опасаться случайных свидетелей и это обстоятельство меня несказанно обрадовало. Я боялся только того, что Томкино возбуждённое состояние могло прийти в норму и, уже тогда, я не смог бы заново уговорить её на столь дерзкий и малодушный поступок. Войдя в полутёмный подвал, где тускло горела всего лишь одна лампочка, да и то заранее вкрученная мною, я опять заключил её в свои пылкие объятия. Я целовал её и постоянно шептал о вечном блаженстве. К моему удовлетворению, она всё ещё была под впечатлением моих убеждений. Мне не пришлось с ней долго возиться. Для видимости, я порылся среди подвального хлама и, как бы случайно, нашёл в одном из них две, почти одинаковые капроновые верёвки. Я выбрал одну из перекладин возле подвального потолка и, подставив небольшой деревянный ящик, сделал первый узел.

– Привяжи мою верёвочку... – без тени страха попросила Тамара.

За такую неслыханную смелость я посмотрел на неё с искренним уважением.

– Нет, любимая! – возразил я. – Если ты решила уйти в лучший мир вместе со мной, то должна сама сделать себе петлю.

Наивная глупышка! Она даже не заподозрила, что в её самоубийстве не должно быть никаких погрешностей. Каким бы кретином я оказался, если бы криминалисты установили, что из-за своего роста Томка не могла дотянуться до потолка!

– Подожди, детка... – сказал я, когда все мои приготовления были закончены. – Я сделаю это первым. Я иду на смерть ради нашей крепкой любви...

Я не мог не заметить, что мои высокопарные слова с лёгкостью пробивались в самую глубину её сознания.

– Ты увидишь, как легко и безболезненно я умру. Ты станешь приносить цветочки на мою могилку. Когда тебе будет плохо, только подумаешь обо мне, и тебе сразу станет гораздо легче. Я буду твоим ангелом-хранителем. Прощай, моё счастье... Прощай, моя радость... Прощай, моя единственная и желанная любовь...

Я прекрасно изучил её эрогенные зоны и пока плёл несуразную ахиною, вновь дошёл до возбуждённого состояния. Когда я понял, что она не контролирует свой разум и действительно может влезть в петлю, отстранил её в сторону и взялся за верёвку.

– Арик! Я с тобой... Я люблю тебя... Арик! – громко произнесла Тамара, и я даже испугался, что её кто-нибудь может услышать.

– Ты действительно меня любишь?! Значит, я не зря верил тебе...

Я ещё раз выдавил слезу и, нарочно тяжело вздохнув, закрыл глаза.

– Подожди меня, любимый! Умоляю! Мы должны вместе... – возбуждённо проговорила она, поспешно накинув петлю на свою тонкую шейку.

– Ты не бойся, – прошептал я, взяв её за руку. – Нам не будет больно. Только шаг вперёд и мы приобретём вечный покой. Над нами будут плакать, и носить на наши могилки алые розы. Пусть все знают, что это неправда...

– Что? Что неправда? – спросила она, дрожа всем телом.

– Неправда, что нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте, – тихо сказал я, сжав её ладонь, и решительно добавил: – Пошли милая! Ни о чём не думай, я рядом. Пошли, родная...

Она решительно ступила в пустоту и тут же повисла в воздухе, удерживаемая верёвкой, которая сразу сдавила её горло.

Я не спеша развязал свои узлы, откинул в сторону ящик и тщательно заровнял получившийся на шлаке отпечаток. Потом неторопливо достал из дипломата исписанный тетрадный листок и положил его в карман Томкиного пальто.

– Наконец-то от тебя избавился! – изрядно выматерившись, сказал я.

Небрежно сплюнув и мельком взглянув на тусклую лампочку, я поспешно вышел из подвала. Разумеется, я внимательно проследил, чтобы электричество не было выключено. После совершённого суицида, Тамара не могла погасить свет! Свой обрывок верёвки я забрал с собой, а за лампочку был совершенно спокоен. Ещё накануне я преднамеренно обтёр её ветошью. Теперь на ней не было моих отпечатков.

На улице по-прежнему бушевала метель, и казалось, что сама природа Кольского полуострова была на моей стороне. Во дворе я не встретил, даже случайного прохожего.

Сейчас меня доставят в районное отделение полиции. Я учитель и, естественно, мне зададут несколько вопросов. Наверняка поинтересуются, случайно ли Томка оказалась в подвале своего бывшего приятеля? Наверное, не стоит слишком много о нём распространяться. Достаточно сказать, что этот мальчик был её первой любовью. В общем, нужно быть внимательным и тогда версия о том, что убийца оставляет следы, станет пустой, никчёмной фразой.

– Меня попросили приехать к вам, – сказал я следователю совершенно спокойным тоном.

– Не попросили, а задержали! – с презрением глядя в мою сторону пробасил он. – Вам должны были предъявить ордер на ваш арест... Вы обвиняетесь в преднамеренном убийстве вашей ученицы Тамары Гроздевой...

Я уже был готов возмутиться, но словно угадав мои мысли, он вдруг добавил:

– Вы, Арий Альбертович, всё-таки наследили. В голове не укладывается, как такой умный, продуманный человек, умудрился подсунуть несчастной девочке своё прощальное послание. Да ещё написанное красными чернилами...

Коварный визит

Этот расфуфыренный щёголь не понравился мне с первого дня знакомства. Он был мужем моей сестры. Не сказать, чтобы слишком толстый, но и не худой. Среднего роста. Не краснорожий, но и не бледнолицый. Одним словом, вполне нормальный самодовольный мужчина, в расцвете лет, немного нагловат, слегка выпивший, от которого постоянно пахло дорогим одеколоном. Моя сестра Линочка была от него в восторге. Разумеется, я тоже мог быть доволен их браком, если бы не одно обстоятельство, которое вызывало отвращение к моему свояку. Впрочем, должен признать, что по отношению к моей персоне, он был слишком добропорядочным человеком. Однако это не помешало мне невзлюбить его за прямой и открытый взгляд, которым может смотреть честный и весьма преуспевающий бизнесмен. Он глядел на меня, как, наверное, сытый волк смотрит на тощего глупого ягнёнка. У него всегда и всё было в полном ажуре. Он был снисходителен и вежлив, но его взгляд казался мне укоризненным и, постоянно действуя на нервы, выводил меня из терпения.

Если быть до конца откровенным, то я и сам признавал, что относился к числу неудачников. Мне не повезло ни с первой женой, ни со второй. На работе меня держали на низшей ступени производственной карьеры. Я не был ни начальником, ни рабочим, словно армейский прапорщик, который, проваляв дурака двадцать пять лет, так и не стал ни исполнительным солдатом, ни образцовым офицером. Всё, что я когда-то имел, теперь кануло в безвозвратное прошлое. Моя машина давно превратилась в груды металлолома, а трёхкомнатная квартира, оставшаяся от родителей, уже наверняка сменила не одного хозяина. Более года, как я остался без жилья и без денег, если не считать те гроши, которые платили мне за добросовестный труд на моём загнивающим предприятии. Этот же прощельга, совершенно не обременяя себя физическим трудом, лишь изредка пошевелив собственными извилинами, жил в несколько раз лучше любого губернатора. У меня слюнки текли от изобилия тех продуктов, которыми он забивал холодильник. Чтобы не умереть с голоду, я варил отвратительную отечественную вермишель, постоянно превращающуюся в густой клейстер, а он трескал ветчину и целыми сковородами жарил отборную свинину. Я страдал от язвы, а он от обжорства. Более того, он спал в шикарной постели, а я ютился на жёстком диване, оставшемся после пятнистого дога, сдохшего совершенно непонятно по какой причине. Впрочем, я прекрасно знал, сколько крысиного яда мне пришлось израсходовать на эту четвероногую бестию. Линочка часто угощала меня фруктами, которые никогда бы в жизни я не смог попробовать на собственную зарплату. Своё предлагал мне импортные ликёры, а я тешил себя надеждой, что когда-нибудь смогу выплеснуть эти благородные напитки в его расплывшуюся физиономию. Я чувствовал, что был для него костью, застрявшей в горле. При всей его флегматичности, он бы давно вышвырнул меня на улицу, но любовь к моей сестре стала единственной причиной, из-за которой он смирился с моим существованием. Не любить её он просто не мог. Насколько я помню, она ещё в детстве прослыла невыносимой чистюлей. Стоило ей слегка запачкать платице, как она тут же требовала переодеть её в другое. Я же бегал в рваных замызганных шароварах и не обращал на подобные мелочи ни малейшего внимания. Лина была хорошо воспитана и поэтому стала не только верной женой, но и превосходной домохозяйкой. Она была моложе этого франта на семь лет и, помимо того, что выглядела эффектной привлекательной дамой, имела высшее образование и прекрасно разбиралась в бухгалтерии, благодаря чему в его документации царил исключительная отчётность. Мне иногда даже казалось, что не свояк, Павел Данилович Говоров, а моя сестра Линочка являлась полноправным и настоящим руководителем его фирмы. Даже заграничные поставки он имел благодаря её умению оболыщать иностранцев. Она в совершенстве владела английским и, без посторонней помощи, сама проводила важные деловые встречи. Говоров зачастую пользовался плодами её труда. Он купался в роскоши и ходил,

словно расфуфыренный фазан, в то время, как моя сестрёнка скромно оставалась в тени. Её вполне удовлетворяло считаться женой этого проходимца и на замечания по поводу того, что сама может стать главой фирмы, она с улыбкой отвечала:

– Я всего лишь слабая, беззащитная женщина, в меру сил и возможностей помогающая мужу.

Не стану скрывать, что подобные высказывания были мне не по душе, но и не создавали дополнительных помех для воплощения некоторых моих планов. У них не было детей и, в случае трагической смерти Павла Даниловича, я бы самопроизвольно взял бразды правления в собственные руки. Я даже поклялся, что самолично поставлю моему свояку гранитный памятник. Дело оставалось за малым: нужно было, во что бы то ни стало, отправить его к нашим предкам. Увы, но в такой путь нельзя купить билет, а сам он, пышущий здоровьем, ещё не собирался покидать нашу брентную землю. Проще всего было бы отравить его техническим спиртом. Такая смерть теперь распространена не только в Мурманске, но и как спрут распустила свои щупальца по всей многострадальной России. Была лишь маленькая загвоздка. Говоров не признавал водки, тем более не пил дурно пахучий спирт. Как я уже сказал, он увлекался ликёрами, и только в допустимых дозах. Подсыпать в его ужин какой-нибудь отравы, разумеется, я не мог, так как вскрытие его брентного тела сразу выявило бы причину летального исхода. Тогда, вместо кресла главы преуспевающей фирмы, я бы загремел на тюремные нары, что, естественно, никоим образом не было в моих интересах и не входило в мои планы. Думаю, что и Лина, узнав о подобном преступлении, никогда бы меня не простила. Может, по моим понятиям, она и чудачка, но у неё с Говоровым действительно была любовь. Смешное и глупое слово, но, так или иначе, они и впрямь не могли и на секунду допустить мысль о возможной разлуке. Прожив вместе почти десяток лет, они по—прежнему ворковали как молодожёны, а их поцелуйчики, вместе с завистью, невольно вызвали во мне чувства некоторой озлобленности. Я не знаю, что такое настоящая любовь, но их отношения явно не были дешёвой показухой. Стоило хоть вскользь коснуться подобной темы, как Лина тут же взмахивала руками и, выпучив большие выразительные глаза, испуганно говорила:

– Если с Пашей что-либо случится, я этого не переживу. Ты похоронишь меня следом. Мы с ним составляем неразделимое целое...

Разумеется, что в такие мгновения она была искренней, но я отлично знал, что время – лучший доктор и оно залечит любые душевные раны. Естественно, впоследствии она бы вновь вышла замуж, но тому простофиле уже ничего бы не досталось, кроме крошек от пышного пирога. Пока Лина станет разыгрывать роль безутешной вдовы, я сумею заграбастать основное состояние моего самодовольного свояка. Проще говоря, я должен был избавиться от Говорова, но таким образом, чтобы не вызвать к себе каких—либо подозрений. Почти всюду такие дела решались с помощью наёмников и оружия. Вариант с киллером меня не устраивал. Во-первых, нужно было хорошо заплатить за оказанную услугу, а во—вторых, можно легко угодить под Дамоклов меч. Придётся постоянно осознавать, что существует свидетель моего преступления. Убрав Павла Даниловича, наёмный убийца, рано или поздно, обязательно предпринял бы попытку облегчить мои карманы и в очередной раз нанесли значительный ущерб. Рассчитывать на внезапный конфликт между его конкурентами или на инфаркт я, разумеется, тоже не мог. Конечно, можно было бы устроить пожар, но тогда, вместе с Говоровым, погибла бы и моя сестра, чего уж я не хотел при любых обстоятельствах, да и к тому же, пострадало бы моё будущее имущество. После нескольких бессонных ночей, я решил перерезать ему глотку. Нет! Ну, конечно же, не примитивным способом используя опасную бритву и оставив уйму своих отпечатков. Я предложил ему покататься на спортивных велосипедах. Объяснил, что городской воздух и постоянная езда в автомобиле не способствуют улучшению здоровья. Мы договорились, что втроём поедем за город и в своё удовольствие погоняем возле озёр по лесным тропам. Я заранее выбрал маршрут и обследовал его самым тщательным образом. Затем я

натянул тонкую стальную проволоку от одного дерева к другому. Удовлетворённый собственной изобретательностью, вернулся домой. Утром мы легко позавтракали и тронулись в путь. Медленно, но уверенно я подводил свояка к моей ловушке. Я раззадорил его, и мы помчались наперегонки. Лина немного отстала, но этого было вполне достаточно, чтобы обеспечить мне безупречное алиби, а её сделать свидетельницей несчастного случая. У меня захватывало дух от скорости, которую мы развили в нашей велогонке. В нужный момент я пропустил его вперёд и, затаив дыхание, ждал завершающегося финала. Каково же было моё разочарование, когда я увидел, что он беспрепятственно проскочил между моими деревьями. Ну, разве я мог предположить, что кто-то из сознательных граждан снимет проволоку и, аккуратно скрутив её в бухту, положит на обочину тропы?! Вполне понятно, что моё настроение было полностью испорчено. Говоров, который не подозревал, что находился на волосок от смерти, пребывал в превосходном расположении духа и даже благодушно выделил мне из винной коллекции бутылку отличного германского ликёра. Впрочем, моя неудавшаяся попытка избавиться от Павла Даниловича, лишь подогрела желание покончить с ним раз и навсегда. Я более серьёзно стал обдумывать новый план своего преступления. Меня больше нельзя было провести на мякине, и я должен был действовать решительно и наверняка. Выходит, что я нажал на курок, но произошла осечка! Теперь я был кое-чему научен и не мог позволить себе подобной оплошности. Я вновь не спал по ночам, дымил как паровоз, выкуривая сигарету за сигаретой и, наконец-то, нашёл подходящий вариант.

До того, как стать бизнесменом, Говоров работал главным энергетиком и поэтому не удивительно, что он сам производил ремонт собственной электропроводки. Само собой, что теперь он располагал достаточной суммой и, без особого ущерба для своего толстого кошелька, мог нанять электриков, но занятия подобного рода были своеобразным иммунитетом от ностальгии по его прежней профессии. Зная эту слабость, я посоветовал ему приобрести дачный участок где-нибудь в Карелии, чтобы после поездки на острова Анталии, он мог выехать туда и, посидев с удочкой на берегу какой-либо речушки, или, вырастив собственную клубнику, скрасил монотонную суетливую жизнь приятным новшеством. Естественно, выбор был за мной. Как бы там ни было, но рано или поздно, дача перешла бы в моё распоряжение. Если мне было наплевать на Багамы, на которые всё равно никогда не попаду, то уж было не безразлично, где приобрету покой, когда возраст заставит меня отказаться от мирской суеты и когда захочется, в полной тишине, заняться разведением цветника и прочей рассады. Лина не только осталась довольна моим выбором, но так обрисовала и сам земельный участок, и окружающую местность, что Павел Данилович, после некоторых колебаний, всё же выделил необходимую сумму. Правда, он не дал мне наличными, а оплатил счёт через коммерческий банк. Я ничуть не расстроился и даже, какое—то время, забросил увлекаться спиртным. Теперь я был занят. С раннего утра и до позднего вечера я усердно пилил и строгал. Павел Данилович регулярно поставлял мне необходимые стройматериалы. Когда-то я имел пятый разряд плотника, но то, что я делал теперь, было под силу лишь мастеру высочайшего класса. Я не только оживил дачу витиеватыми резными узорами, но и сделал её неким шедевром народного зодчества. Я попробовал выжигать, а также научился опаливать доски и построил настоящую русскую баню по пisku последней моды. Говоров похвалил меня за добросовестный труд и, щедро вознаградив, лишь посетовал на то, что ещё не везде подключено электричество. Я сослался на отсутствие специалиста, имеющего доступ к высоковольтной линии. Я знал, что самолюбие Павла Даниловича вынудит его взяться за это дело.

Он не захотел бы упасть лицом в грязь и признать тот факт, что я намного искусней его. Мой расчёт оказался верен. Он действительно не умел пользоваться рубанком и не знал, как правильно заточить топор, но он был профессионалом в области энергетики. Линочка, словно предчувствуя беду, как могла, отговаривала мужа от этой затеи, но Говоров никогда не отменял своих решений.

При всей моей ненависти к этому человеку, всё-таки должен признать, что он не был полным кретином и, прежде чем решился взобраться на высоковольтку, самолично осмотрел линию электропередачи и отключил центральный рубильник, на неопределённое время оставив дачников без энергии. Я стоял внизу и делал вид, что подстраховываю его, хотя, на самом деле, только и ждал тот момент, когда он прикоснётся к проводам.

Подобного замыкания я не видел ни разу в жизни! Было что-то неопишное: взрыв пороховой бочки, ореол искромётных свечений, в сотни раз, превосходящий красочный фейерверк, и жуткий вид падающего человека, с грохотом ударившегося о землю. На моего свояка было страшно смотреть. Он стал чёрным как уголь и чем—то напоминал только что опалённую сви-
ню, дымящуюся и пахнущую горелым мясом.

Услышав мой душераздирающий крик, Лина выбежала во двор и бросилась к нему.

– Сделай хоть что-нибудь! – неистово заголосила она. – Не стой как истукан! Пожалуй-
ста...

Я успокаивал её как мог. Я запрещал ей биться в истерике, боясь, что она может потерять рассудок. Прибывшие врачи тут же констатировали смерть Павла Даниловича от несчастного случая. По мере своих возможностей, они оказывали помощь моей сестре, но было уже слишком поздно. Бедная девочка! Она перестала меня узнавать и, монотонно повторяла его имя. Иногда начинала так хохотать, что не требовалось иметь специального медицинского образования для того, чтобы понять, как я был точен в своих предположениях. Глядя на неё в какой-то момент, я пожалел о содеянном преступлении, но баснословное состояние, которое теперь переходило в мои руки, утихомиривало всплеск моей совести и давало некоторое утешение. В конце концов, результат оправдывал потери! Лина не присутствовала на его похоронах. Её положили в психиатрическую больницу, где неустанно вели медицинское наблюдение. Я же был ошеломлён, когда узнал, что у Павла Даниловича есть младший брат, которому он завещал валютный капитал и, практически, всю недвижимость, за исключением мизера, который этот паршивец оставил на имя моей сестры. Теперь, другой человек должен был вступить в его владения, руководить фирмой и быть законным хозяином в доме. Мои надежды на то, что я смогу облапошить своего нового конкурента, тут же потерпели фиаско. Он даже не стал со мной разговаривать и лишь коротко предупредил, что хотел бы несколько дней побыть наедине. Тем самым он дал понять, что я должен убираться ко всем чертям и чем быстрее, тем лучше. Дачу он продал чуть ли не на второй день после похорон, а вырученные деньги перевёл в доллары, которые я только мельком видел в его дипломате. На мои возражения, что мне некуда идти, он окинул меня презрительным испепеляющим взглядом, а потом цинично предупредил, что не любит свои слова повторять дважды. Глядя на него, я понял, что Говоров старший был перед ним сущим ягнёнком. У этого типа была железная хватка. Он тут же поставил все точки над «и». Я понял, что с ним лучше не шутить. Если он захочет от меня избавиться, то я не успею и пикнуть, как окажусь на Ленинградке под кучей сухого валежника.

– Хорошо! Уйду... – невольно согласился я. – Но ты должен выделить мне хоть какую-то часть наследства. Моя сестра Лина...

Я не успел договорить, потому что он грубо меня прервал.

– Твоя сестра свихнулась от горя, а мой брат никогда бы не стал подключать электричество, не проверив центральный рубильник! – холодно резюмировал этот паршивец.

Он гаркнул таким зловещим голосом, что у меня по спине пробежала холодная дрожь.

Я тут же сообразил, что он меня подозревает в гибели своего брата и, по стечению обстоятельств, тянет с тем, чтобы состряпать уголовное дело. Мне не стоило испытывать судьбу. Я решил временно оставить его в покое. Мне нужно было разузнать о нём как можно больше, тем более, что от свояка я ни разу не слышал о его существовании.

К концу недели, через свою агентуру и ряд компетентных знакомых, я выяснил, что много лет назад братья крепко повздорили. Из-за того, что Павел Данилович чувствовал себя винов-

ным, он заранее приготовил завещание, ставшее для меня роковым возмездием. К величайшей радости я так же узнал, что Говоров младший был закоренелым холостяком и, следовательно, теперь был единственным препятствием на моём пути к баснословному богатству. Это был несдержанный молодой человек с грубым характером, лет тридцати, высокий, с важным и озабоченным лицом, но не лишённым правильных черт, в котором проглядывала некоторая мужская приятность. Его волнистые волосы, с редкой проседью на висках, всегда были аккуратно зачёсаны. Он одевался в дорогой, чёрный костюм, что придавало его внешности не только элегантный, но и строгий вид.

Несмотря на то, что он мне чем-то симпатизировал, я не должен был поддаваться сентиментальности. Вскоре у меня появилась умопомрачительная идея.

Я решил избавиться от него самым невероятным образом. Я уже не думал о собственном алиби. Я хотел отомстить за разбитые надежды и моё позорное выдворение на улицу. Моя месть должна была стать жестокой!

Я взял в столярной мастерской самый длинный гвоздь и увесистый молоток, а затем, спрятав всё это в карманах куртки, направился к его многокомнатной квартире с двумя этажами. Уже вечерело, и в подъезде было сумрачно. Я подкрался к двери абсолютно ни для кого не замеченным и решительно нажал на кнопку звонка.

Я слышал приближающиеся шаги. Мои нервы были натянуты до предела, словно гитарные струны, которые в любой момент могли внезапно лопнуть. Я знал, что у меня есть лишь какие-то доли секунды, и я не имел права медлить. Лево́й рукой я держал гвоздь, а правой сжимал молоток. Как только в дверном глазке мелькнул свет, я мгновенно пустил в ход своё допотопное, но оригинальное орудие убийства. Мне даже показалось, что я почувствовал, как покрытое ржавчиной железо вонзилось в его глазницу и вывернуло наизнанку серое вещество. Не дожидаясь лифта, я тут же сбежал по лестнице и вышел из подъезда. В тот миг, от совершённого мною преступления, моя душа ликовала, и я испытывал истинное блаженство. Для меня наступил грандиозный праздник. Я радовался как ребёнок, получивший долгожданную игрушку, как студент; сдавший сессию! Эту ночь я провёл в баре и, опорожнив дюжину рюмок коньяку, даже ни чуточку не опьянел.

Лишь на рассвете я распрощался с барменом, прогулялся по городу и, набравшись смелости, осторожно подошёл к злополучному дому. Наверное, я бы согласился быть арестованным, только бы смог посмотреть на изуродованный труп моего обидчика. Мне даже не потребовалось кого-либо расспрашивать о вечернем происшествии. Я присел на скамейку и от местных старушенций узнал ошеломляющую новость. Моя сестра была убита самым чудовищным образом! Я ведь не мог предположить, что этот идиот, заберёт её из больницы, и что именно она подойдёт к двери?! Я чуть не лишился чувств. Моя милая Линочка! Разве она заслуживала такой участи? Разве я не любил её все эти годы, которые мы прожили вместе? Я был старше её на шесть лет и помнил тот день, когда впервые её увидел, совсем крохотную, копошившуюся в пелёнках. Я водил её в детсад, и я же провожал и встречал из школы, а позже защищал от различных хулиганов. Теперь, сам того не желая, стал виновником её гибели. Впрочем, уже было поздно о чём-то сожалеть. Мои страдания не воскресили бы её и не вернули из царства мёртвых. Говоров младший вновь стал в центре моего внимания. Он не был доверчивым и наивным как его погибший братец. Он уже, без всяких сомнений, выпутался из этой гнусной истории, подставив под удар мою персону. Размышлять о зелёных баксах Павла Даниловича, теперь, с моей стороны, было бы непростительной глупостью. Учитывая моё безупречное прошлое, конечно, можно было надеяться, что я не попаду под статью с пожизненным заключением, но лет на пятнадцать я мог рассчитывать без всяких сомнений. Даже отсидев этот срок, я вышел бы нищим и никому не нужным стариком. Моя жизнь потеряла бы всякий смысл. Другими словами, мне уже нечего было терять, и я поклялся, что сполна рассчитаюсь с этим высокомерным человеком. Каждый день, проведённый в Мурманске, мог стать для него

последним. Я тешил себя надеждой, что прежде чем окажусь на скамье подсудимых, сумею нанести ему коварный визит. Он слишком сильно меня достал! Из-за него я лишился своего беззаботного, обеспеченного будущего и, что самое отвратительное, убил родную сестру.

Если потерю желаемого благополучия можно было ему всё-таки простить, то гибель моей Лины призывала меня к мести!

Выслеживая свою жертву, я прибегал к разным хитростям и даже, как-то раз, опустился до такой степени, что надел на себя женский парик, покрасил губы ярко-красной помадой, влез в платье, и в облике пожилой дамы прогуливался возле его дома. К сожалению, он надолго исчез из города. Мои расспросы не приводили к желаемому результату. Никто и ничего толком мне не ответил. Он как в воду канул,

Я уже начал терять всякую надежду, как, неожиданно для себя, обнаружил его машину. Вернее, это был «Ford Explorer» моего бывшего свояка. Я узнал бы эту иномарку из тысячи подобных. Я спал и видел себя за рулём этого кроссовера. То обстоятельство, что Говоров младший мог оказаться дома не один, меня ничуть не смущало. Мне изрядно подфартило и не стоило откладывать нашу встречу до следующего раза.

Глазок его двери был заменён новым, но я прекрасно понимал, что на подобную наживку эта акула уже не попадётся.

– Заходи! – сказал он, равнодушно посмотрев на меня. – Пришёл за мной? Я ждал. Ты всё равно не оставил бы меня в покое. Скажи, только по совести, что ты хочешь? Если сможешь доказать, что не виновен в смерти моего брата и его жены, то я, так и быть, выделю тебе приличную сумму. Впрочем, могу оставить и эту квартиру, чтобы у тебя была крыша над головой. Мне хватит того, что останется.

– Королевская щедрость! – вспыхнул я. – Шикарная тачка Павла Даниловича стоит пару таких квартир, я уже не говорю о процветающей фирме.

– Каждому своё! – отпарировал Говоров младший. – Ты обычный прощельга, а я родной брат и единственный наследник. Я уже в курсе его дел и начал кое в чём разбираться. Обидно, что ещё не завершено строительство главного здания, в котором будет расположен центральный офис, но фундамент уже почти полностью поставлен, осталось уложить последнюю железобетонную плиту.

– Лучше сделай из неё надгробный памятник! – в порыве гнева, вспыхнул я.

– Пожалуй, подходящая идея, – злорадно усмехнувшись, ответил Говоров младший. – Не исключено, что воспользуюсь твоим советом.

– Меня не интересует, чем ты будешь заниматься! Я включил рубильник и убил твоего старшего братца! Я хотел убрать тебя, но, по стечению обстоятельств, погибла моя сестрёнка!

– Это в корне меняет дело, – проговорил он задумчиво.

Да! – выкрикнул я, брызжа слюной и оживлённо жестикулируя руками. – Я убил их обоих! Я пришёл сюда не за твоими нищенскими подачками. Ты мне заплатишь за мои страдания. Ты заплатишь мне кровью! Я отомщу тебе...

– Каким образом? – спросил он с таким безразличием, будто поинтересовался, как пройти к автобусной остановке.

Я вытащил из-за пазухи охотничий нож и показал ему.

– Изуродую тебя до неузнаваемости. Отрежу твой поганый язык и выколю твои наглые зенки! – Немного подумав, я возбуждённо произнёс: – Сброшу с балкона на растерзание бродячим псам...

– Не слишком ли много для одного? – угрюмо спросил он. – У меня на этот счёт совершенно иные планы.

– Мне безразлично!

– Тем ни менее...

– Замолчи, пока цел!

Я вложил в голос всю мощь моего гнева, и тут же пригрозил:

– Можешь считать, что ты уже покойник!

– Да, ты закоренелый преступник! Тебя нельзя отдавать в руки правосудия. Ты маньяк! Ты больной! Ты фанатик, постоянно думающий о мести! Ты не оставляешь мне выбора. Я должен подумать о спасении общества. Я обязан изолировать тебя от нормальных людей...

– Прекрати молоть чепуху! – вновь огрызнулся я, приготовившись к нападению.

Я демонстративно выставил в его сторону сверкающее стальное лезвие.

– Если шевельнёшься, буду вынужден выстрелить в тебя из газового пистолета, – пригрозил Говоров младший. – Закину в багажник и отвезу в такое место, откуда никогда не выберешься.

Я с силой сжал рукоятку ножа и с ловкостью пантеры бросился на своего ненавистного врага, но прежде чем смог достичь цели, успел заметить, что в его руке действительно появился какой-то странный предмет. Меня тут же отбросило в сторону, в глазах помутилось, и я почувствовал, как моё грузное тело начало стремительно падать в самое пекло преисподней.

Теперь я действительно лежу в таком месте, откуда никогда не смогу выбраться. Мои руки и ноги надёжно связаны. Мой рот заклеен скотчем, парализованные глаза ничего не видят, а голова раскалывается на части. Где-то наверху грохочет бульдозер. Мне всё труднее дышать, и хотя я отчаянно пытаюсь спастись, всё-таки понимаю, что это напрасные старания. Я отлично осознаю, что Говоров младший заканчивает укладку фундамента под строительство нового офиса. Ну что же, наверное, всё правильно? Кому-то из нас обязательно должно было повезти. Он получил в наследство частную фирму и счастливую безбедную жизнь, о которой я так долго и тщетно мечтал. Мне же досталась земля! Вернее, всего лишь её малая часть, от которой невыносимо пахло холодной могильной сыростью.

Обратный отсчёт

Всё летело в бездонную пропасть. Многие годы совместной жизни, две дочери, общие интересы и даже нажитое барахло, всё это было теперь никому не нужным. Елена Петровна смотрела на Каземирова потупленным, скорбным взглядом. Олег Николаевич, в свою очередь, старался вообще не смотреть в её сторону. Но больше всего он боялся встретиться с взглядом своих дочерей – шестиклассницы Любаши и пятилетней Светланки. Если Любочке ещё можно было что-то объяснить, то младшая девочка не могла, да и не хотела понять, почему её отец, который покупал ей игрушки и читал сказки перед сном, отец, которого она безумно любила, должен был куда-то уйти. Елена Петровна пыталась объяснить дочери, что у папы появилась другая женщина и что у него теперь будет другая доченька, но девочка так и не могла понять, что же происходит на самом деле. Она знала, что её отец, это только её отец и ещё её сестры. Она не хотела, чтобы он куда—то уходил. Она переминалась с ноги на ногу, готовая в любую минуту заплакать. Она испуганно глядела то на отца, упаковывающего чемодан, то на мать, с надеждой, что та сумеет его остановить.

– Ну, вот... Я пошёл... – тихо проговорил Каземиров.

– Счастливо... – выдавила из себя Елена Петровна, превозмогая дикое желание схватить чугунную сковородку и разбить ею его аккуратно побритую физиономию.

– До свидания, доченька, – обращаясь к Любашке, проговорил Олег Николаевич.

Он нагнулся, чтобы её поцеловать, но девочка уклонилась от него и, подойдя к матери, спряталась за её спиной. Тогда Каземиров склонился над младшей дочерью. Он ещё не успел ничего ей сказать, как Светланка крепко обхватила его за шею и громко закричала:

– Папочка! Миленький! Не уходи. Папочка! Не бросай меня! Я люблю тебя! Папочка...

– Ну, хватит! – вспыхнула Елена Петровна. – Уходишь, так уходи, но не издевайся над дочерьми. Иди к своей сучке!

– Ты так не говори! – строго произнёс Каземиров – Эта женщина не заслуживает оскорблений.

– Ах ты, гляньте на этого кобеля, доченьки! – не выдержала Елена Петровна. – Какую цацу, ваш папуличка приобрёл. Не заслуживает она оскорбления! Какой умный! А я заслуживаю эти оскорбления? Дочерей тебе воспитывала, портки твои грязные стирала. Сучка она и есть сучка...

Каземиров зло посмотрел на жену.

– Хоть бы детей постеснялась, – укоризненно произнёс он, отстранив Светланку и взявшись за ручку чемодана.

– Что мне их стеснятся? Я перед ними ни в чём не провинилась! Пусть знают, какой кобель их папочка!

Каземиров не оглядываясь, открыл дверь и вышел на улицу. Визгливый плач младшей дочери ещё долго доносился до его слуха, врезался глубоко в сознание и червоточиной вкрадывался в душу.

«И как я мог прожить с этой женщиной столько лет? – подумал Олег Николаевич. – Ладно, что фигуры никакой, так ведь ещё и не образованная, не интеллигентная. Обабившаяся дурёха!»

Грузно опустившись на заднее сиденье чёрной волги, Каземиров слегка тронул за плечо водителя.

– Поехали, Василий, – сказал он доброжелательным тоном.

– Всё нормально, Олег Николаевич? – спросил водитель, плавно трогаясь с места.

– Нормально, Вася. Поехали...

– К Ольге Александровне? На северные кварталы?

– Разумеется, – коротко ответил Каземиров. – На северные конечно...

– По Ленинградке прокатим, или через Семёновское озеро?

– Мне всё равно, – отмахнулся Олег Николаевич.

– Тогда по Ленинградке...

Водитель какое—то время вёл машину молча. Он лишь изредка смотрел в зеркало на осунувшееся лицо начальника и не решался нарушить воцарившуюся тишину.

– Что замолчал, Василий? – неожиданно спросил Каземиров.

– Думаю, Олег Николаевич.

– О чём?

– О вас, – бесхитростно ответил Василий. – Не пожалеете, что от жены ушли?

– А что мне жалеть? Ольга Александровна, сам знаешь, птица высокого полёта.

– Не понимаю я вас, Олег Николаевич. Ведь вы уже от второй жены уходите...

– Допустим, – задумчиво ответил Каземиров и тут же спросил: – Тебе что, сорока на хвосте принесла эту новость?

– При чём тут сорока, среди людей живём. Я даже знаю, что у вас ещё одна дочка есть. От первого брака.

– Она уже взрослая. Год, два и замуж выйдет.

– Вы свою семью завели, ваша первая жена тоже, а дочка, вроде как, сиротой растёт при живых родителях.

– У родной бабки она воспитывается, – буркнул Каземиров и тут же добавил: – Я смотрю, ты много о чём знаешь.

– Да вообще-то я стараюсь свой нос в чужие дела не совать. Моё дело за баранкой сидеть. Разговаривают в машине, а я ведь слышу.

– Тогда понятно, – недовольно согласился Олег Николаевич. – Значит ты, Василий, не одобряешь моё решение. Что ни говори, а я новый отсчёт в семейной жизни начинаю.

– Как бы ваш отсчёт обратным не оказался...

– А всё ж таки?

– Не одобряю! Ваша Елена Петровна может и не слишком привлекательная женщина, но зато она простая русская баба. С ней и по душам можно поговорить, и не нужно бояться, что она твои слова на изнанку вывернет.

– Ничего ты в женщинах не понимаешь, Васька! – возразил Каземиров. – Говоришь, что бесхитростная? А ведь это она меня от первой жены увела...

– На чужом несчастье – счастья не построишь! – отозвался Василий.

– Да с ней же в люди выйти совестно. Даже не знает как нужно себя в ресторане вести. Нож в левой руке держит. Вот Ольга Александровна...

– А что Ольга Александровна? – вспылил Василий. – Баба она и есть баба. Две руки, две ноги и вся спина сзади. Ничего особенного в ней нет.

– Значит я прав. Ничего ты в женщинах не смыслишь, как я погляжу, – ответил Каземиров. – Ольга Александровна женщина с большой буквы!

– А вы её без парика видели? – неожиданно спросил Василий.

– Без парика? – нахмурившись, протянул Каземиров.

– Это она перед вами из себя стройную молодушку изображает, а меня ей стесняться незачем. Я ведь для неё никто и звать меня никак. Иной раз позвоню в дверь, – Ольга Александровна... – говорю. – Машина подана, А она стоит передо мной – лахудра лахудрой. Настоящие волосы то у неё седые и редкие.

– Это ты перегибаешь, Вася, – обиделся Каземиров. – Ольга Александровна такая замечательная женщина...

– Обыкновенная она женщина, Олег Николаевич, – не унимался Василий. – Вы её привыкли припудренной видеть, да речи её умные слышать на собраниях. Хотя, слова она говорит

красивые, а только легче от них ещё ни одному человеку не стало. Вы конечно правы, Олег Николаевич, Ольга Николаевна хлебушек двумя пальчиками возьмёт, но ведь баба она и есть баба...

– Ну, ты уже пошлишь! – забурчал Каземиров.

– Отчего же? – не согласился Василий. – Вы олицетворяете её как святую, а она, между прочим, помимо того, что в ресторане себя показать умеет, после этого туалетом пользуется. Уверю вас, точно так же как и мы все грешные...

– Всё! Немедленно прекрати, Василий! – строго произнёс Каземиров. – У меня с Ольгой Александровной серьёзные отношения...

– Да я ведь и замолчать могу, – ответил Василий. – Только у меня такое ощущение, что я один чемодан везу, который вы в багажник положили. А вас, будто и нет вовсе. Душа—то ваша, всё равно дома осталась.

– Молод ты ещё! – огрызнулся Каземиров, и небрежно отвалился на мягкую спинку сиденья.

Василий пожал плечами, но больше не произнёс ни слова.

Буквально через пять минут он свернул с Ленинградки и въехал в северную часть города. Каземиров забрал чемодан, дал указания, чтобы Василий подъехал на следующий день к восьми утра и неуверенной походкой вошёл в подъезд. Он немного потоптался у двери, потом перевёл дыхание и нажал на кнопку звонка.

– Входи Олег Николаевич, – в лёгком смущении, прочирикала Ольга Александровна. – Мы тут, с Верочкой уже заждались. Поставьте пока, чемоданчик в прихожей. Кофейку выпьем, потом разберём что к чему.

– Она повернулась в сторону комнаты и громко воскликнула:

– Верочка! Доченька! Иди сюда, детка, поздоровайся с Олегом Николаевичем...

Она перевела свой голос на полушёпот и, помогая Каземирову повесить на вешалку пальто, сказала:

– Она у меня уже большая девочка. Шестнадцать лет. Уже всё понимает. Я объяснила ей ситуацию. Проходи, Олег Николаевич, всё будет нормально. Немного почурается, а потом привыкнет.

– Здравствуй, Верочка! – войдя в комнату, сказал Каземиров.

– Здравствуйте, дядя Олег! – окинув его недобрый взглядом, ответила Вера.

Сделав на слове «дядя» такое ударение, что Олег Николаевич засомневался в том, что когда-нибудь сможет наладить с ней дружеские отношения.

– Проходите в гостиную, Олег Николаевич, – суетливо предложила Ольга Александровна. – Я тут кое-что на стол накрыла. Отметим, так сказать, ваше новоселье...

Она подошла вплотную к Каземирову, и вновь перейдя на полушёпот спросила:

– Как дома, всё нормально? Без скандала?

– Всё хорошо, Оленька! – тяжело вздохнув, ответил Каземиров.

– Верочка! Ты не посидишь с нами? – заискивающе, спросила Ольга Александровна. – Иди, кофейку с тортиком попей.

– Я уроки делаю, – на высоких тонах, ответила Вера.

Она наглухо прикрыла дверь своей комнаты.

– Ну, ничего, – вновь обращаясь к Каземирову, сказала Ольга Александровна. – Ничего Олег, хочет, пусть фордыбачит. Как надоест, успокоится. – Давай выпьем по рюмочке, за наше с тобой семейное счастье. Чтобы у нас с тобой, всё как у людей было. Чтобы жили мы долго и счастливо...

– Не откажусь, – поддержал Олег Николаевич. Тем более, на душе у меня немного муторно. Такое ощущение, будто кошки скребутся.

– Я понимаю, Олежек, – тронув его за руку, сказала она. – У тебя там дети остались. Я ведь не запрещаю тебе с ними встречаться. Ты им отец, и я тебя действительно прекрасно понимаю. Ты мужчина ещё сравнительно молодой, сильный, да и зарплата у тебя приличная. Если половину отдашь, то всё равно у нас денег больше чем предостаточно останется.

– Если по закону, то на двоих детей тридцать три процента выплачивать положено... – ответил Каземиров.

– Да это, наверное, мало будет? – возразила Ольга Александровна. – Если бы у тебя мальчики были. На девочек, куда больше затрат. Я вон, по своей Верке судить могу. То одно платье, то другое... Нет, Олежек, я на это не согласна. Твои дочки не должны ни в чём нужды знать...

– Вот за такие слова, огромное тебе спасибо, Оленька! Я ведь сам об этом не раз думал, – сознался Каземиров. – У меня сейчас где-то около ста пятидесяти тысяч в месяц выходит. И моим дочерям, и нам с тобой вполне достаточно будет. Правда, у меня жена пока не работает, постоянно с младшей девочкой дома сидит. Почки с раннего детства дают о себе знать. Может, придётся операцию делать...

– Так вот, я и говорю, что ты им помогать должен. Тысяч восемьдесят можешь смело выделить. Нам ведь с Верочкой от тебя ничего не нужно! Мы с ней и на мою зарплату неплохо проживём. А то и тебя прокормим. Оставляй себе на сигареты, да на всякую мелочь...

– Спасибо, Оленька! Спасибо... Прямо камень с души сняла, – растроганно произнёс Каземиров. – Я знал, что ты поистине святая женщина...

– Перестань, Олег, – скокетничала Ольга Александровна. – Я ведь тебе искренне добра желаю. Ты не ругайся, но ведь и подарочек тебе приготовила, в честь нашего маленького праздника...

– Мне? – изумился Олег Николаевич. – И какой же?

– Сейчас увидишь, – загадочно ответила она, и тут же воскликнула: – Верочка! Принеси, пожалуйста, Олегу Николаевичу наш подарочек...

– Сама носи! Я ему не прислуга... – послышался голос её дочери.

– Не красиво так, Верочка! Олег Николаевич очень хороший человек! Он тебе обязательно понравится, вот увидишь...

Она сконфуженно взглянула на Каземирова.

– Извини, Олеженька! Возраст у неё такой. Переходный период... Я тебе сама принесу. Ну-ка, закрой глаза...

Она вышла в маленькую комнату, о чём-то пошутукалась с дочерью, сделав ей нарицательный выговор, а потом вернулась обратно, держа в руках чёрную кожаную куртку.

– Вот, Олеженька! – сказала она громким вызывающим голосом. – Это от нас, с Верочкой.

– Оленька! Ольга Александровна... – растерянно заговорил Каземиров. – Разве можно? Вы что? Это же, для вас дорого...

– Примерь, Олеженька...

Ольга Александровна помогла надеть ему куртку, потом восхищённо произнесла:

– Теперь настоящий начальник! Я, как только увидела, так сразу решила, что куплю её для тебя. Прямо у самой глаза загорелись...

Такая куртка сумасшедших денег стоит...

– Пустяки, Олег, – возбуждённо проговорила Ольга Александровна. Всего каких-то несчастных сорок семь тысяч. У меня тридцать семь на книжке лежало. Мы Верочке на зимнее пальто копили.

– Так получается, ещё десять кусков не хватало... – сконфуженно произнёс Каземиров.

– У подружки занять пришлось. Ну да это пустяки. Постепенно рассчитаюсь.

Ольга Александровна изобразила на своём лице дежурную вежливую улыбку.

– А как же Верочка? – любопытствовал он.

– Мы ей на следующий год пальто купим. Я уже с Верочкой поговорила на эту тему. Пока она в стареньком пальто походит. Хочется, конечно, девочке обнову, но переживёт. В крайнем случае, ещё под займу. Как-нибудь выкручусь...

– У меня ведь тоже зарплата будет, – вспльщиво вставил Олег Николаевич. – В крайнем случае, возьму из кассы...

– Было бы не плохо. Долги бы раздали, да Верочке новое пальто смогли бы справиться... Но, я право не знаю, – озадаченно произнесла Ольга Александровна. – Я бы конечно хотела, чтобы ты основную часть своих денег дочерям отдал, но смотри сам... Ты мужчина, Олеженька! Деньги твои, тебе и решать, куда их и на что потратить!

Она прижалась к нему и чмокнула в правую щеку.

– Ты мужчина, тебе и решать! – повторила она настойчиво, и тут же добавила: – Курточка, как по тебе сшита! Завтра на работе, все так и ахнут от восторга! За деньги не расстраивайся! Придётся мне на дом работу взять. Может, кофту кому свяжу, или ещё что-нибудь. Выкручусь как-нибудь...

– Я сам за всё рассчитаюсь! – запальчиво выговорил Каземиров.

– Если будет возможность, – уклончиво сказала Ольга Александровна. – Ты теперь в этом доме хозяин, тебе и решать. А мы что? Мы женщины... Ты мужчина, Олеженька, сам и принимай верное решение...

– Вот именно! – не без гордости, произнёс Каземиров.

Пока Ольга Александровна суетилась на кухне, он мысленно прикинул:

«Как только получу деньги, необходимо помочь Оленьке, чтобы в долгах не сидела. Да и Верочке пальто нужно справиться. Я буду новую куртку носить, а она в старом пальто? Так не дело. Себе немного оставлю на сигареты да прочую дребедень. Жене тысяч пятьдесят на дочек передать нужно. Впрочем, – подумал Олег Николаевич, – дома ещё запасы продуктов есть, ну и девочки не раздетые ходят. Пожалуй, тысяч пятнадцать им вполне достаточно. А то и десяти хватит...»

– Олег Николаевич! – громко, из кухни, воскликнула Ольга Николаевна, нарушив ход его мыслей. – Мы тебе ещё новый костюм справим, да и галстучек подходящий подберём. Ты у нас с иголки будешь одет. А как возможность появится, может, и мне сапожки купим. Я недавно такие сапожки видела! До сих пор перед глазами стоят. Не удержалась, померила. Прямо как в тапочках. И тепло, и на ногах совершенно не чувствуешь...

«Ну что теперь такое десять тысяч? – подумал Каземиров. – Бывшей жене и дочкам такую мелочь принести, только себя позорить. А Оленьке на сапожки хватит... Ну, а с бывшей женой в следующий месяц рассчитаюсь. Выделю, где-нибудь тысяч семьдесят...»

– Слышишь, Олег Николаевич, чего говорю то? – заискивающе спросила Ольга Александровна.

– Слышу, Оленька! – отозвался Каземиров. – Купим мы тебе эти сапожки. Обязательно купим...

– Да, я не об этом, Олег Николаевич, подойди на минутку! – вновь выкрикнула из кухни Ольга Александровна.

– Дело у меня к тебе весьма деликатное, – сказала она, когда Каземиров вошёл к ней на кухню. – Дочка у меня девушка взрослая, ты и сам понимаешь, что неудобно нам с тобой, в её присутствие, в одной постели находится. Хотя бы первое время как-то бы осторожнее надо...

– Да, конечно... Я не против... – забормотал Олег Николаевич.

– Ты, Олежек, только правильно пойми. Придётся тебе какое-то время в маленькой комнатке пожить. Как только Верочка привыкнет, так ко мне в спальню переберёшься. А пока, я ведь ей сказала, что комнату у нас снимать будешь. Нам деньги нужны, вот якобы я и согласилась. Ничего, всё само собой образуется...

– Конечно, конечно... – невнятно пробормотал Олег Николаевич. – Поступай, как считаешь нужным, Оленька.

– Вот и умница! – похвалила Ольга Александровна, и, оглядываясь по сторонам, чмокнула его в щёку.

– Идём за стол, Олежек, – сказала она. – Уже горячее готово.

Они выпили ещё пару рюмок, поговорили о разных пустяках, пока их внимание не привлекла Верочка.

Она вошла в комнату с распущенными длинными волосами, в одной сорочке, сквозь которую просвечивало её стройное юное тело.

– Ты что это, бесстыдница, себе позволяешь? – недоумённо глядя на дочь, спросила Ольга Александровна.

– Спать ложусь, – не смутившись, ответила Вера. – Мне в койку в платье ложиться?

– Да не в платье конечно, но ведь здесь Олег Николаевич.

– Не нужно из меня дурочку делать! Я всё отлично понимаю. Чего мне его стесняться, ведь это мой новый отчим. Пусть полюбуется своей падчерицей...

– Верка! А ну живо в койку! Лезь под одеяло, дрянь такая... – прикрикнула Ольга Александровна, заметив каким оценивающим взглядом, Олег Николаевич посмотрел на её дочь.

– Залезь под одеяло и спи! – вновь прикрикнула Ольга Александровна.

Потом она посмотрела на свои дрожащие руки, закрыла лицо салфеткой и поспешно ушла в ванную комнату. Вера с пренебрежением посмотрела на Олега Николаевича, ухмыльнулась и демонстративно направилась в свою комнату. Каземиров вышел из-за стола, тихонько постучал в дверь ванной комнаты. Когда Ольга Александровна открыла, он обнял её и тихо сказал:

– Ну, что ты, Оленька, она ведь ребёнок. Сама же говоришь, девочке привыкнуть надо.

– Да причём тут девочка! – оттолкнув его от себя, вспылила Ольга Александровна. – Ты думаешь, я не заметила, как ты глядел на её оголённые ножки...

– Оленька, перестань... – оторопело, произнёс Каземиров. – Она ведь ещё совсем ребёнок....

– Она-то ребёнок, да вот только ты на неё смотрел ни как на школьницу. Всю её грудь алчным взглядом просверлил.

– Оленька, ты о чём говоришь? Ольга Александровна... – растерянно забормотал Каземиров.

– Нет! Ну, я тоже хороша! При взрослой дочери мужика в дом привела! Недели не пройдёт, как ты с моей девочкой шашни закрутишь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.